

...Читю – в который раз! – «Голуби реют серебряные, / рс-
терянные, вечерние...», и –

*...Смирненные, благословенные
Голуби реют серебряные,
Серебряные над тобой.
Радуюсь названию Конкурса. Решаюсь.*

В связи со 160-летием В.В. Рознов, необыкновенного философа, писателя, историка, педагога и 75-летием трагической гибели М.И. Цветковой возвращаюсь к теме о некоторых проблемах в их мироощущении. Тревожат многие «вечные», актуальные вопросы. Тем более, что горестное розновское: «холоден мир становится» – всё острее, просьбы в эссе «ншим всем литераторам» «как-нибудь предупредить этот холод» – настоятельней.

Василий Рознов умер 5 февраля 1919 года, «нхолод вшишь и не голод вшишь», был год рный тем, кто «в этот страшный, потрясющий год» подвёл «помощь и денежную, и съестными продуктами»: «Кто-то помнит, кто-то думает, кто-то догадываясь»; «Сердце сердцу весть сказало». В тот же год, «возвышен Бедою», Марин Цветкова писала в своём Чердачном: «Есть ли сейчас в России – Рознов умер – не стоящий созерцатель и не блюститель, который мог бы написать не стоящую книгу о голоде: человек, который хочет есть, – человек, который хочет курить, – человек, которому холодно, – о человеке, у которого есть и который не даёт, о человеке, у которого нет, и который даёт, о прежних щедрых – скредных, о прежних скупых – щедрых, и, наконец, обо мне: поэте и женщине, одной, одной, одной – как дуб – как волк – как Бог – среди всяческих чум Москвы 19-го года». Не писал бы с м,

помехой – «з виток ром нтик », «близорукость» и пр. Созн нное р зличие.

Но и с мо н зв ние: Черд чное (у Роз нов : Уединенное, Мимолётное, Смертное и др.) – свидетельство родственной преемственности.

Многое роднит М. Цвет еву с В. Роз новым. Это и философичность, предельн я откровенность, искренность, фористичность. И если кто из русских поэтов-современников может быть ср вним с В. Роз новым по стилю, безмерности, гени льности и вневременности, т к это М. Цвет ев .

В бог том н следии В. Роз нов отмеч ю некролог: П мяти Ив. Вл д. Цвет ев , где, зорко р зглядев з неброской внешнестью отц М. Цвет евой огромное бог тство души, «несокрушимую энергию и н стойчивость, необозримые зн ния с мого трудного и утончённого х р ктер », Роз нов не впервые предъявил счёт чиновник м министерств просвещения. Утвердил «золотое и не з мученное, п рящее вверх “я”» И. Цвет ев – «великого укр шения университет и город ».

М. Цвет ев н пишет В. Роз нову дв письм . Ликующих, летящих, полных восторг и уверенности в совп дении, поним нии. Не просто искренних – исповед льных! «Вы <...> милый, родной, совсем н щ, – пишет он . – Вы пор зительно-умны, Вы гени льно-умны и гени льно-чутки». В третьем просит помочь С. Эфрону с экз мен ми н ттест т зрелости. Д , просит своеобр зно, но – не «вполне бесцеремонно» (А. С кянц). «Обр щ юсь к В м, к к к п пе», – существенн я дет ль!

Вспомин ю Роз нов : «Только ценой потери внутренней культуры может быть приобретен культур внешняя...». Его: «“Корректные люди” суть просто неодушевлённые существ , – “линейк ” и “тр нсп р нт”, “ред ктор” и “контор ”». Или – о «русской молодой бескультурности, котор я объясняется не отсутствием ум или уменья, <...> неопытностью, недосмотром и к коюто именно молодую торопливостью, жиот жем или з стенчивостью».

Современники отмеч ли сходство прозы Роз нов и Цвет евой: «попытки обн ружить душу до последнего предел , поиски с мых подлинных слов». Сходство было, дум ю, следствием единств их *Начал*: «тр диций своего н род », «смысл своей религии», «целого движения двухтысячелетней истории». В. Роз нов и М. Цвет ев были детьми России, её духовности и культуры. Её «рокового» служения, отсюд – мет ния, м янья.

В уникальной книге «Сумерки просвещения» (1893) В. Рознов пишет о «гр жд нине», «отвсюду изгн нном», который «обр зов л идею нового гр жд нин , фикцию» – вне вышперечисленных н ч л – «истинного Номинсул’ новой Европы». Сегодня мы рьяно, «з др в шт ны», поспеш ем в изготовлении «гомункулов» н н шей земле. Чего стоит только один ЕГЭ!

«Преступным р звр щением» н зыв ет Рознов систему обр зов ния, когд : «Сж то, легко, гл дко проск льзыв ли в устремлённое к ним вним ние земля и небо, оке н и суш , пророки и революции, Гомер и электротехник с помощью особых м леньких книжек», где бстр гиров ны природ и люди – для «особой цели»! Систем созд л в Европе «стр нную безжизненность возр ст ющих поколений», склонных к р внодушию, кощунству, цинизму, вульг рных, «совершенно под тливых н всякое низменное влияние». «Для всякого должно быть ясно, – пишет Рознов, – что, если слов Сп сителя преобр зов ли мир и слово Ев нгелия преобр зило не одну душу, гл дк я, проск льзыв ющ я стр ниц о нём, тотч с з крыв ем я другою стр ницею, говорящей о Бургунд х или об Евклиде, не производит и не может произвести н душу ник кого впеч тления». Оголённые «схемы всего действительного», «синтетически собр нные из элементов всех цивилиз ций», «вне дух своей культуры», творят «непобедимую нтирелигиозность», пустую душу, что «носит клоки всех миров».

Вспомин ю из писем М. Цвет евой: С. Андрониковой-Г льперн: «Фр нц <узск я> школ – прямой идиотизм, т. е. смертный грех. Всё – н изусть: д же Священную Историю. <...> всё вперемежку: т блицу умножения (к<отор> я у них навыворот), гр мм тiku, геогр фию, Г ллов, Ад м и Еву, сплошные отрывки без связи и смысл . Это – чистый бред. Н ши гимн зии перед этим – рай...». В. Буниной: «...учу с ним наузусть, от чего об ту пеем, ибо об не дур ки, Священную Историю и геогр фию, их пресловутые «resume», т.е. объединённые скелеты. (Мур: «Т к коротко р сск зыв ть, к к Бог созд л мир, по-моему, непочтительно: выходит – не только не ‘six jours’, ‘six secondes’. Фр нцузы, м м , д же когд верят – НАСТОЯЩИЕ безбожники!» – 8 лет.)» «С тоской и бл год рностью вспомин ю наши гимн зии со “своими слов ми” («Р сск жите своими слов ми»). И, вообще, человеческие – для человек . <...> Р стят кретинов, т.е. “общее место” – всего: родины, религии, н уки, литер туры. Всё – готовое: глот й. Или – плююй». Вот и плюют, и – «тупик» дв дц тилетних,

непрерывные их р звлечения: «им с собой скучно», отвер тельн я «здешняя юношеск я пошлость»; «брезгливый н клон» цвет евских деревьев. И это *навыворот* мы допустили сегодня в свой Дом!..

Отриц я идею Локк о душе – *tabula rasa*, Роз нов пишет о «вздутиях души», «ожид ющих извне прикосновения», чтобы «освободить крылья». «Всяк я отдельн я душ » отвеч ет р зно, в меру «содерж ния, которое с ней посл но в мир». И – «То зн ние ценно, которое острой иглой прочертило по душе».

Ср внив ю с цвет евским: «Ум (д р) не есть личн я прин д-лежность», и: «В кого вложен любовь – тот любит, в кого гнев – тот негодует, в кого обид – тот, отродясь, обижен. Обидчивость породж ет обиду».

Об отношении к прессе. Цвет евские строки с н отм шь хлещущими ср внениями г зеты с экземой, нечистью, где: «Что ни столбец – н вет, / Что ни бз ц – отвр т», или: «Мир г зет – мне стр шен», это – «стихия людской пошлости!» – «я её нен вижу з *исподтишка*, з ков рство её ровных строк» – в полнейшем одиночувствии с роз новским: «*Печать* – это пулемёт, из которого стреляет идиотический унтер. И скольких Дон-Кихотов он перестреляет, пок они доберутся до него...». С его о «прессе ежедневной – этом ежедневном брызг нье слюной и з ик ющемся бормот нье...»

Роз нов пишет: «...нельзя, появившись н земле лишь н мгновение, дум ть, что н это мгновение земля прин длежит н м, и мы можем н ней сдел ть, что хотим». Необходимо поним ть «свой долг перед прошлым», и, «чем обильнее в нём уродливые выр же-ния, тем твёрже» н до вст в ть «з святыню прошлого»: «Никто не допуск ет гиену до могил – хотя бы гиен был действительно голодн , хотя бы могилы уже действительно ничего не чувство- в ли; но есть родственность между н ми и этими могил ми, и мы ляжем со временем рядом с ними. И в минуту, когд будем ложиться, н м дорог был бы уверенность, что её не р скоп ют и не осквернят; но эту уверенность нужно купить – верностью своею тому, что жило...». Необходимо *veto*, которое «должно быть н л -г емо время от времени н прессу». Живя одним днём, он «имеет тенденцию терять п мять о прошлом». Сч стье – Роз нов , Цвет евой, что не зн ют свободы нынешних СМИ, интернет .

Тем семьи, бр к , з конных и нез конных детей (изболелся!) – в жн я ч сть роз новского н следия. Чит я Цвет еву, вспомин ю многое из Роз нов . В «Ц рь-Девице»: «Кто избы себе не строил – /

Тот земли не з служил». В «Федре»: «Блуд, не бр к, ск жу, без ребёночк !» И – «...Любя, плодитесь – / Вот з кон в ми мер вся». Исключительно по-роз новски!

Цвет ев – молодым: «Берегите Гнездо и Дом!». В полном соответствии с последними строк ми роз новского Апок липсис ...: «И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тёпел, удобен и кругл. Р бот й н д «круглым домом», и Бог тебя не ост вит н небес х. Он не з будет птички, котор я вьёт гнездо».

«Любить: болеть», – ск жет М рин Цвет ев . В силий Роз нов: «Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)». Много т ких свидетельств одиночества.

Чуть-чуть – о пресловутой «свободе». В. Роз нов: «...свобод есть просто пустот <...> – Эт женщин свободна. У неё нет муж <...> От «свободы» все бегут <...> Всё лучше свободы, “кой-что” лучше свободы, хуже “свободы” вообще ничего нет...». М. Цвет ев : «...я не очень хочу свободы, <...> мне не-свобод дороже. А что т кое дорог я несвобод между людьми? Любовь».

«Культур н чин ется т м, где н чин ется любовь», – утверждает Роз нов. Сущность дик ря, бескультурного видит в том, что «ни к чему он не привяз н, ничего горячее не любит». «Тот, кто не поклоняется ничему и не может поклоняться, всегд поклонится себе». И – «стой н пути» т ких «отечество, вер , все дорогие святыни истории – они не з дум лись бы и их взлом ть, чтобы только себя и только н эту минуту н сытить, чем нужно». Вот и взлом ли..

В. Роз нов подчёркивает: «свой кр й, родин » – особые «предметы культ , особой любви»; человек «любит их, чтит, предпочит ет всем подобным и д же лучшим».

«Сч стливую и великую родину любить не велик вещь. Мы её должны любить именно тогд , когд он сл б , м л , унижен , н -конец , глуп , н конец , д же порочн . Именно, именно когд н ш “м ть” пьян , лжёт и вся з пут л сь в “грехе”, – мы и не должны отходить от неё... Но и это ещё не последнее: когд он н конец умрёт и, обглод нн я евреями, будет являть одни кости, – тот будет “русский”, кто будет пл к ть около этого остов , никому не нужного и всеми плюнутого».

«До какого предела мы должны любить Россию? – в письме Э. Голлерб ху, – До истязания, до истяз ния с мой души своей. Мы должны любить её до “н оборот н шему мнению”, “убеждению”, голове. Сердце, сердце, вот оно. Любовь к родине – чревна».

И к к же может не болеть всё «чрево», если «к кой-то с дизм в печ ти, когд обстоятельств скл дыв ются бл гополучно в смыс-

ле «изругать Россию»? Мудрый, он понимает: «Что делать — “тянуть в трубу”». «Всех влечёт, все хотят» пнуть, если позволено...

Глубокий знак иудейского искусства, его особенностей, несущих главное, высоко ценимое, — «семейное начало» и... антисемитизм, как определяли иные. Но вот Место христианства в истории, где В. Розанов стремится осознать избрание Богом, но с тем «отвержение еврейского народа». Последнее потому, что «кроме своего народа, все остальные племена земные» были евреями «не только пренебрежены, но почти забыты».

Удивительные строки в Русском Ниле; в Апокалипсисе и шестого времени, в письмах Голлербаху, уникальность стихотворения Библейская поэзия — поистине: «гимн национальному быту и религии евреев».

Дорогого стоит и описание инцидента в переполненном трамвае, где солдат, как и «вообще вся российская публика», отменив у себя гражданскую власть «порывом», никак не мог «допустить, чтобы человек, тоже «порывом», вскочил на переднюю площадку в гонимом поезде, куда ему нужно», и —

“И вот, я не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нём стоял нож:

— Ж-ж-ид проклятый...

Это было так близко.

И как музыка, странный реческий:

— Мы уже теперь все братья («гражданство», «свобода» — март): с чем же вы говорите так (т.е. что «и еврей, и русский — братья», «нет больше евреев как чужих и посторонних»).

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышал всю музыку голоса, глубоко близкого городского и глубоко удивляющегося.

Потом уже, и в третий раз, и даже «сегодня» ещё, я понял, что мне нужно было, сняв шапку, почти до земли поклониться ему и сказать: «Вот я считаю еврейство, но на самом деле я не враг: и прошу у вас прощения за этого грубого солдата».

Да, есть и многое другое... Не мудрено, что «порочный Бейлис неслучайно» вызвал иные строки. А если «умученная душа писателя хочет кричать» и всё-таки не позволить «евреям делать с нами, что они хотят»? К сожалеению, прав А. Николукин, проблем и сегодня «болезненно-чуждым».

«Мать — Страна — Русь!» — скажет Марин Цветкова. Но — не только.

«Национальность — тело, т.е. опять одежда»; «СУЩНОСТЬ, то, что вне нации, то, что *над* нацией». Можно приводить много,

но суть – одна: глвное в человеке – душа, сердце, человечность – сущность, незвисимая от национальности. Это – кредо Цветевой. Поэт отвергает «рвнство в лют и виз». «Стрельба к жаждой стране, к к единственной – вот мой Интернационал. Не третий, вечный»; «Жжду и родную песню, будь то русская, французская, немецкая, пр. – я неизменно чувствую – мою».

Всё: происхождение, воспитание, знание языков, искусств, литературы питает любовь Марины Цветевой к Германии и Италии, Швейцарии и Франции, к давно ушедшей Древней Греции, к рождением сына близкой Чехии. Он много переводит – более, чем с десятка языков. Укрепляя «стойкое братство» «обивающих мощно лишь природы порог». С украинского – песни, лирику И. Франка. И в бессмертных русских стихах: «бис», «закрмы твои порожние», «червонные возблещут купол», «позвякивая к рбовнице». И: «Поклон тебе, гряд Божий, Киев!» рядом с: «Поклон, престольная Москва!»

Но... – «Мы подошли к единственной мере вещей и людей в данный час с веком: отношению к России», – пишет М. Цветева («Эпос и лирика современной России»). Сегодня это отношение также является мерой, тем более, в странах, входивших ранее в Россию, в СССР. И не стоит впадать в страну усиную привычку, не свойственную Цветевой. Стоит, на мой взгляд, вспомнить о ней, к ко русской, хотя он порою отвергает и имя: «русский поэт».

Так, он пишет Р.М. Рильке: «Для того и становишься поэтом <...>, чтобы не быть французом, русским и т.д., чтобы быть – всем». Ю.П. Ивская: «Поэт есть бессмертный дух», «который дышит, где хочет, рождаясь в Москве или Петербурге – дышит где хочет», и – «...со стороны матери у меня России вовсе нет, со стороны отца – вся. Так и со мною вышло: то вовсе нет, то – вся». В.А. Меркурьевой, ровно 3 года до гибели: «единственное, что во мне есть русского, это – совесть...».

Грустно улыбаюсь: не это ли – основа души, так ярко и яростно отставившей Мариной Цветевой, не это ли – всё в человеке? Но примем: «то вовсе нет, то – вся».

Явно – вовсе нет, когда с едим с ркзом – о 20-й лекции в Прге профессор Новгородцев «о крхе 3-пдной культуры, и, докзв (!!!) укзательный перст: Русь! Дух! – Это помешательство...»

Явно есть – в письме к О.Е. Колбсиной-Черновой: «И ещё о России, о том, что Россия – в нас, нет м-то или т-то нкрте, в нас и в песнях, и в нашей русой прскре, в рскосости глзи

во всепрощении сердец ...». В интервью А. Седых: «Я по стихам и всей душой своей – глубоко русская <...> Я Россию в себе ношу, в крови своей...». В письмах к А.А. Тесковой, по духу очень близкой, Цветкова – вся русская. «Кто глубоко провёл – тот любя Россию! Страну, новую, красную, белую, – всю! Вмещает же Россия – всё. <...> и неизбежность, вернее – неизбежность ишей любви – её всю вместить». И снова: «...знающий Россию, *сущий* – Россия, <...> любит всё, *ничего* не боится любить. Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие *любви*». Как и сам Марин Цветков.

В рубрике тетради он пишет: «Русский народ родственен: это постоянное: *мы, наше*», считает: «...мужик “мы, наше” дел – родственным, цыган – родом. – И обоих – божьим». Обрывает и точно! Зачем мы рождаемся, позволяя присвоить *общее*? Горько-риторический вопрос...

Но главный свидетель русскости М. Цветкова, её – «вся», это её поэтическое творчество, в частности, поэмы. Б. Пастернак писал о «Цырь-Девнице»: «Нашу вещь не польстит иностранец, в ней ни опшней, ни душегреек, ничего русско-оперного, в ней человеческая душа, это иностранцу не нужно». А вот русскому, М. Цветкову только он и нужен. И не столько сквозность, песенность её «русских поэм», но дух и их, и всего творчества – русские! А стихи «чуждо почти против воли», призваны сквозить боль и радость своей земли, своей Родины: «Все мои русские вещи – тковы. Кто-то в России хотелось сквозиться, выберите меня».

Оттого и вырвется: « – *На Интернационал – за терем!*».

Родина – как воздух. Не замечешь, пока не отняли. И как просто и – щемяще! –

*...скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горюшь?*

А «Тоска по Родине...»? О, если бы – «рзоблчённ я морок!». Вот уж не думали-не гдали, что и нам придется её испытать. Не эмигрируя...

Русскость Цветкова чувствовали современники. Так, А. Берг уверяет М. Цветкову: «Ваш путь – русский путь, слепозосидельный, по которому пойдут, не зная, многие, из которых вырстет Россия...». Г. Иванов пишет о «её очень русском и женском (бъём) говоре». Л. Артёмов подтверждает, что Россию Марин Цветкова «кто-то чудом увёз в своей бродячей котомке», почует ис-

ток «родиночувствия»: «У нее всё невольно устремлено туда, всё, что в ней звенит, — отсюда. Звон этот можно принять за колокольный, потому что слышится он откуда-то сверху». Д р зве не с м Цвет ев ск жет: «Моя неуд ч в эмиграции — в том, что я не-эмигрант, что я по духу, т.е. по воздуху и по р зм ху — т м, туда, отсюда»? Здесь же (з писные книжки), к к и в письмах, — о её «диком одиночестве».

В этом одиночестве он был не одинок. М.А. Осоргин («золотое сердце» — М. Цвет ев) пис л, что в эмиграции, «т м, где духовный уровень выше, где углублены интересы мысли и творчества, где к либр человек крупнее, — т м русский испытывает одиночество национальное; т м, где близких ему по крови больше, — одиночество культурное. Эту тр гедию я и обозн ч ю слов ми <...> *русское одиночество*». «Я ни в какой мере не антисемит, но я в большой мере русский славянин... Свои, русские, мне ближе по духу, по чистоте языка и говору, по специфическим национальным достоинствам и недостаткам». Видит: «русский за рубежом захирел и сдвоясь, уступив общественные посты иноплеменной энергии». Д , «Еврейский климатизируется легче... — его съест! Звисти не испытываю, готов за него продать». Но, охотно уступая еврейскую общественную, признаётся, что «есть одна область, где “еврейское засилие” решительно бьёт меня по сердцу: область благотворительности».

Вспоминую отчаянные просьбы Цветевой об «иждивении», унижения... Из письма Д.А. Шоховскому о попытке выйти беспланный за пределы первого её выступления в Париже: «Цейтлины (т.е. Мария Смойловна) уже отказались. — “Книжки — и не её поэзия — не подходят”. Снять за — 600 франков». Для меня вечер — вопрос не слезы, хлеб». О резком недоброем в «почти всех русских и еврейских братьях» — в письме С.Я. Эфрон В.Ф. Булгакову — они, «обиженные нежеланием Марины» пресмыкаться, просить и прочее, отказались в чём-либо помочь нам». Но В. Сосинский свидетельствует, с юмором, иронией в их адрес, об этом: «В результате — великая провд божья: все, купившие пятифранковые билеты, сидят; все Цейтлины, Познеры — толкуются в проходях».

Отношение Марины Цветевой к евреям, еврейству — с самостоятельным, трудным тем. И в силу неизжитого шрама даже «от слов «еврей» в устах нееврея», взгляд не с мо слово, «книжка непечальный». Хотя, отвечая Осоргину, В. Жботинский, видный идеолог сионизма, и убеждал в обратном. И в силу неполно-

ты публикций её рбот, зписей. Но мы в полной мере не поймем времени и судьбы, истинной величины М. Цветевой, уходя от этой темы. Только штрихи:

Приблизиться к пониманию непростого стиха М. Цветевой «Еврейям» (1916) может помочь В. Рознов, в частности, его «Апокалипсис...». Вполне согласуются с розновскими и предчувствие, определения второй строфы:

*Израиль! Приближается второе
Величество твоё. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!..*

В Ответе на инквизицию («После России», 1928), он указывает «Стрелку к еврейству».

Может быть, – решающим «жгучий» вопрос эмиграции о русско-еврейских отношениях? 27 мая 1928 года в Париже состоялся диспут, 29-го в «Последних Новостях» опубликован статья С. Литовцев. «Поднял перчатку» В.В. Шульгин книгой «Что нам в них не нравится...» (1929). Но и С.Я. Эфрон в 1926-м: «Собралось больше тысячи “недорезанных буржуев”, пресыщенных и вяло-веселых (всё больше – евреи), они не ели, жрели икру и купались в шмидном. На эту же встречу попал групп русских рбочих в зеленых пиджаках, с мозолистыми руками и со смущенными лицами. Они сконфуженно жались к стене, не зная, что делать между смокингами и френчами. Я был не в смокинге и не во френке, в своём обычном синем костюме, но сгорел от стыда...». До боли – современно...

Многие строки стихов, поэма Цветевой свидетельствуют о глубоком знании к библейской, так и новой истории евреев, полны сочувствия. Чего стоит: «Жизнь, это место, где жить нельзя: / Еврейский квартал л...»! Или, фориристичное: «В сём христианейшем из миров / Поэты – жида!».

«Там, где говорят: еврей, подразумевают: жид – мне собрату Генриху Гейне – не место», – писал М. Цветева, но: «мой дядя (Д.В. Цветев) после Вршавы был один из самых видных черносотенцев Москвы – Союз Русского народа – очень добрый человек – иначе жид не говорил».

В эмоциональном письме П. Сувчинскому и Л. Кривину Цветева не только отрицала русскость С. Эфрона, но и отрицала его *ответственность*: «Делая С.Я. евреем, вы делаете его ответ-

ственным з н род, к которому он *внешне* – ч стично, *внутренне* же – совсем неприч стен...». З щиз я свои «Земные приметы», книгу «*страстной* пр вды: пристр стной пр вды холод , голод , гнев , *Года!*»: «Это – жив я душ в мёртвой петле...». Д , – «*Евреи встают гнусные. Т кими и были.*

Вспомин ю и – «Р дость! Снов п хнет Русью!», строки Крысолов , Поэмы Воздух , стихов Бузин , многое.. Мольбу:

– *Ни о чём просить не стану!* –
Подари честною раной
За страну мою за Русь!

М. Цвет ев призн ётся: «Евреев я люблю больше русских и может быть очень сч стлив был бы быть з мужем з евреем...». Но и – «...моё отношение к еврейству вообще: тяготение и презрение. Мне ни один еврей д ром не сходил! (NB! А ведь их – мно-ого!)».

Д , много. Случ ев «*еврейски-буржу зного х мств* », эгоизм , «н хр пистости», свержр цион лизм и скупости (б бушк «80 лет, и вся в з пл т х» у евреев-эмигр нтов, «миллионеров, если не милли рдеров»), горьких р зоч ров ний в «друзьях» – евреях, отчего – остр я боль.

З ключ я, вспомню: «...Большевизм и коммунизм. Здесь, более чем где-либо, нужно смотреть в корень (Больш – сомм –). Смыслов я и племенн я р зность корней, определяющ я р зницу понятий. Из второго уже вышел III Интерн цион л, из первого, быть может, еще выйдет н цион л-Россия».

Предупреждение? Провидение? Во всяком случ е, стоит прислуш ться...

«Пр вд всегд ост нется пр вдой, нез висимо от того, приятн он или нет», – н пишет совсем юн я М рин Цвет ев . И – «...моё дело н земле – пр вд , хотя бы против себя и от всей своей жизни».

«Пр вд выше солнц , выше неб , выше Бог ; ибо *если и Бог* н чин лся бы *не с правды* – он не Бог, и небо – трясин . И солнце – медн я посуд », – В силий Роз нов...